

Среди именитых людей, ушедших из жизни в конце прошлого года, - Владимир Богомолов, писатель и солдат Великой Отечественной.

ОТКРЫТАЯ КНИГА, ЗАКРЫТАЯ ЖИЗНЬ...

Заметки о Владимире Богомоллове - на его сороковины

мерзлом поле роту накрыло залпом немецких минометов, я пожалел об этой инициативе».

Богомолов вспоминает, что во взводе из тридцати человек одним залпом было уничтожено одиннадцать. «Эта картина живет во мне уже шестое десятилетие - такого страха и ощущения безнадежности, как в эти минуты, я никогда больше не испытывал».

Начинал рядовым. Потом - командир отделения, помкомвзвода, командир взвода - стрелкового, автоматчиков, пешей разведки. Исполнял обязанности командира роты. Заканчивал войну в Германии, но затем была японская, и он повоевал еще в Манчжурии и на Южном Сахалине. Получил ранение, а после госпиталя его уехали... на Чукотку.

Богомолов провел под арестом 13 месяцев - в тюремных камерах, причем девять месяцев из них в карцерах. И все потому, что на одном офицерском совещании, где разбирались ЧП, взялся перечислять начальству и наговорил лишнего. После отсидки был отпущен без суда.

Его освободили, что называется, вчистую, не оставив никаких обвинений. За весь срок было выплачено денежное содержание, предложили путевку в дом отдыха. А он хотел другого - хотя бы просто извинений от официальных органов. И послал запрос в военную прокуратуру, из которой получил ответ: стаж службы вам засчитывается, денежное содержание выплачено. И за всем этим очевидное удивление: чего, мол, тебе еще надо? После чего он написал рапорт об увольнении, «дав себе слово больше никогда нигде не служить и не состоять».

Армия потеряла офицера. Но страна обрела писателя. Впрочем, сие случилось не так скоро, а именно в 1958 году, когда он послал в редакцию журналов свою первую повесть. Она была срочной, досылком, отправлена в набор в журнале «Знамя». Автор, кстати, до этого уже имел удовольствие получить резко отрицательный отзыв известного литературного критика: дескать, влияние Ремарка, Хемингуэя и Олдингтона, никому и никогда это не нужно.

Сейчас «Иван» переведен на сорок языков и выдержал более двухсот публикаций.

Но вернемся к письму из военной прокуратуры и увольнению В. Богомоллова из армии. Он пишет: «Я решил также по возможности дистанцироваться - свести до минимума контакты с государством и всеми его учреждениями - эта линия поведения соблюдается мной уже пятое десятилетие. Я разделяю и разделяю понятия Отечество, Россия и государство, и когда относительно последнего у меня неоднократно возникало сомнение - а правильно ли я выстроил с ним свои от-

ношения? - я доставал справку прокуратуры, и сразу все становилось на свои места».

Богомолов - человек обычный и необычный. И писатель легендарный. Во-первых, потому что, несмотря ни на какие уговоры, так не вступил ни в один из творческих союзов. Помню, в журналистской среде в середине 70-х, после выхода «Момента истины», стали говорить с непониманием: а знаете, мол, Богомолов-то - не член Союза писателей, отказался туда вступать... Так оно и было. Но все же, полагаю, что кое-кого подобная информация втайне радовала, поскольку в этом поступке выделась этакая оппозиционность. Но это было другое.

Ему предлагали вступить в Союз писателей многие известные прозаики и поэты, руководители СП СССР, России, Москвы. Без всяких приемных комиссий, решением секретариата. А он отвечал: «Стану ли я писать лучше?» Говорили о благах и привилегиях, а он говорил, что ни в чем не нуждается: писателю-де нужна бумага да ручка.

Так что диссидента из Богомоллова никому не удалось сделать. Он рассказывал о судьбе своего главного произведения: «Редакция «Юность» отравила несколько экземпляров рукописи на так называемые «экспертно-консультационные чтения» - было получено четыре официальных заключения главных управлений КГБ и Министерства обороны. Во всех, как по сговору, требовали изъять целиком две главы: со Сталиным и эпизод с генералами, а также убрать в остальном тексте отдельные абзацы и фразы. Я не отдал ни одного слова, но противостояние длилось более года. Эти люди уловили в рукописи то, что впоследствии высказывали наиболее компетентные читатели и кратко сформулировал К. Симонов: «Это роман не о военной контрразведке. Это роман о советской государственной и военной машине сорок четвертого года и типичных людях того времени».

Тут надо бы рассказать об очень серьезной полемике Владимира Богомоллова с Георгием Владимовым, известным диссидентом, в свое время уехавшим из страны. Владимов в середине девяностых опубликовал в России роман «Генерал и его армия», получил за него всевозможные премии, но Богомолов упрекнул его во множестве фактических ошибок, в апологетике генерала Власова и его так называемой освободительной армии и, наконец, в намеренном искажении образа армейского смершевца. Публикация представляла собой большое исследование, но Владимов ничего из замечаний и суждений не принял и написал ответную, очень резкую статью.

Богомолов очень трепетно относится к своим произведениям и героям. Его сочинения - это об-

наженная правда времени, и когда их стали экранизировать, писателю доставляли боль любые искажения текста.

Писатель Борис Васильев утверждает, что единственным разрешенным Богомоловым фильмом стало «Иваново детство» режиссера Тарковского. Фильм этот, как известно, собрал множество призов различных кинофестивалей. Но очевидцы говорят, что и он рождался в жарких спорах режиссера и сценариста. И я грешным делом думаю, что будь воля В. Богомоллова, он бы сделал ленту по-другому. Надо вспомнить и о том, что когда литовский режиссер Жалаквичюс начал делать картину по «Моменту истины», то Богомолов нажал на все возможные кнопки и тормоза, чтобы ее прикрыли, ибо, по мнению автора, снималось не то и не так. А в недавней свершившейся экранизации на «Беларусьфильме» режиссером Пташук, также откровенно не понравившейся писателю, он снял свою фамилию из титров - единственное, что смог сделать в знак протеста в наше бесправное для авторов время.

Кстати, не понравилась лента Пташука не только В. Богомоллову. В «Литературной газете», например, была опубликована статья под многозначительным названием «При чем тут Богомолов?» Тезис автора прост и убедителен: книга о тяжелейшем труде человека на войне - будь то рядовой пехотинец, офицер Смерша или сам Верховный главнокомандующий. А нам что показали? Беготню и погони? От романа действительно осталась лишь грубая схема, ни психологию героев, ни фронтовой атмосферы - голый боевик, каких много. Но ведь роман не из тех, каких много!..

Умный и пронзительный литературный критик Владимир Бондаренко пишет: «скончался последний рыцарь советской военной прозы, последний рыцарь офицерства...» Да, рыцарь, кто же спорит - но почему последний? Словно нет уже ни Юрия Бондарева, ни Михаила Алексеева, ни Олега Смирнова - наших старейшин-фронтвиков. Кстати, во многом именно старинными О. Смирнова, тогда одного из руководителей «Нового мира», роман в середине 70-х был все же напечатан. А Владимир Карпов - тоже автор известных произведений о войне и тоже фронтовой разведчик, перетаскавший несчетное количество языков, за что и был удостоен звания Героя Советского Союза! А Григорий Бакланов, Борис Васильев? Они из другой, как говорится, команды, но ведь тоже талантливы и честно рассказывали о фронтовых буднях.

Владимир Осипович Богомолов открыт в своих книгах, а жил, можно сказать, закрыто, сторонясь журналистов, киношников, всякого рода собраний, разборок и торжеств. А вот что он сказал о себе сам:

«Замечу, что я никогда не считал себя лучше или умнее членов КПСС или творческих объединений, просто у них была своя жизнь, а у меня - своя, и любая иная оказалась бы неприемлемой. Я никогда не предлагал другим свой опыт, к сожалению, никем не повторенный, однако исключать его не следует...»

...совершенно необязательны ни подмахивание конъюнктуры, ни пресмыкательство перед властью имущими, ни мелкание в средствах массовой информации, ни элементы публицити - все это ненужная корыстная суета».

Кто после этого скажет, что время Богомоллова закончилось?..

Николай ГОРБАЧЕВ,
член Союза писателей России

ТАЙНА СЛЕПОЙ ПОСАДКИ

В июне 1962 года под Софией при взлете потерпел катастрофу советский транспортный самолет Ту-104, командиром экипажа которого был летчик первого класса Игорь Зайдель. Это был последний полет командира корабля на самолетах такой серии - накануне Игорь Зайдель сдал экзамены на допуск к полетам на самом современном в то время Ил-62. После гибели летчика заговорили о том, что его имя вполне могло быть внесено в Книгу рекордов Гиннеса.

Представьте: вы мчитесь по шоссе в автомобиле с плотно зашторенными стеклами. Видны лишь светящиеся приборы, мелькают цифры на табло. А теперь усложним задачу: пересядем в зашторенную кабину самолета, идущего на посадку - в просторечии это называется «слепая посадка». Сегодня каждый хороший летчик способен приземлить самолет по приборам. А в первые послевоенные годы не было ни одного летчика, который бы безаварийно совершил такую посадку...

...В тридцатые годы многие мальчишки мечтали о летной

профессии, однако первая специальность Игоря оказалась приземленной: курьер в редакции журнала «Физическая химия». Позже стал мойщиком самолетов и мотористом в первом транспортном отряде Московского управления ГВФ. Но уже в 1940 году он окончил Тамбовскую летную школу, работал летчиком-инструктором, пилотировал транспортные машины. Войну окончил командиром корабля авиации дальнего действия.

Трудно объяснить, как доверили воздушный корабль летчику с фамилией Зайдель (das Seidel

- по-немецки «пивная кружка»), особенно если учесть, что против него в рядах Люфтваффе сражался генерал-однофамилец. Но вот любопытная запись, сделанная уже после войны в

личном листке по учету кадров майора Зайделя: «1948-1949 гг. Числился в 33-м гвардейском полку Воздушно-десантных войск, но был прикомандирован к НИИ-33 Министерства средств связи на испытательной работе - командир корабля. С 1950 года - старший летчик-испытатель, он же командир отдельного летно-испытательного отряда ВВС в Гатчине».

Вот что рассказывает дочь пилота Галина Немцова, как и отец, всю жизнь проработавшая в системе воздушного флота России: «Это был обычный самолет Ли-2, только окна у него могли завешиваться специальными шторками. Задача была такая - взлететь, сделать круг над аэродромом, а потом, как это называлось, «под шторками», вслепую, совершить посадку исключительно по приборам. До отца этого не делал никто. Конечно, уверенности в успехе не было, и, учитывая повсеместную шпиономанию, работа именовалась летными испытаниями систем, например, СП-50, РСР-4, Глобус-2 или СПИ-ЗМЕ».

По завершении работ над системой СП-50 майор Зайдель в 1951 году был представлен к Сталинской премии. Но...

Любимым пилотом Сталина тогда был Владимир Коккинаки,

дважды Герой Советского Союза, генерал-майор авиации, тот самый, который совершил беспосадочный перелет Москва - США в 1939 году, автор двадцати двух мировых рекордов. Во время и после Великой Отечественной войны Коккинаки руководил испытаниями новых самолетов. Ему-то и достались лавры первого в мире летчика, совершившего слепую посадку. Хотя многие знали не только то, что это сделал майор Зайдель, но и то, что Игорь Владимирович стоял позади кресла первого пилота, в котором расположился генерал-майор (он действительно повторил подвиг майора) и руководил его действиями при слепой посадке.

...После нелепой трагедии в болгарском небе (выяснилось, что у Ту-104 при взлете отказал двигатель, и самолет врезался в Шипку) старший пилот-инспектор летно-штурманского отдела управления ГВФ В. Денисов так написал о летчике Зайделе, первом пилоте, который приземлил самолет вслепую (газета «Воздушный транспорт», № 41, 13 июня 1962): «Друга не вернуть, но разве каждый раз, когда я буду свидетелем слепой посадки, я не скажу: «Здравствуй, Игорь?!»

Владимир ПОТРЕСОВ